

А. И. Рупасов

«Новый режим правды памяти»

[Рец. на кн.: «Я знаю, что так писать нельзя»:

феномен блокадного дневника

/ сост. А. Ю. Павловская, науч. ред. Н. А. Ломагин.

СПб., 2022]

Отнюдь не удивительно, что чем больше отдаляются от нас трагические дни блокады Ленинграда, тем сильнее становится желание исследователей восстановить полноту происходивших событий, попытаться их понять, объяснить. Довольствование прежним знанием уходит в прошлое. Постепенно, благодаря доступности новых архивных документов, блокада для историков перестает быть *énigme sans mot*. Особое значение приобретает введение в научный оборот такого исключительно важного источника знаний, как дневник жителя блокадного Ленинграда. Иной архивный документ по своей эмоциональности может и не уступать дневниковому повествованию, однако он скрывает от нас живого свидетеля происходившего, существенные нюансы жизни в те трагические дни. Вместе с тем одни дневники не способны дать ответы на многие вопросы, которые возникают перед исследователями. Невозможно воссоздать во всей полноте картину происходящего, полагаясь только на дневниковые записи.

Ограниченность дневника как источника отнюдь не умаляет его значимости при обращении исследователя к ряду актуальных проблем истории блокады Ленинграда. Повседневная жизнь горожанина в ситуации катастрофы, его адаптация к постоянно ухудшающимся условиям бытия, психологическое состояние, восприятие им происходящего и другие темы затруднительно раскрыть, не прибегая к блокадным дневникам. Каждый выявленный дневник блокадника привносит в наше понимание прошлого что-то новое. По этой причине нельзя не приветствовать попытку ученых Европейского универси-

Рупасов

Александр Иванович

д-р ист. наук,
вед. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

тета в Санкт-Петербурге, участников проекта создания библиотеки «Прожито» опубликовать свои находки¹. Все включенные ими в первый том задуманной серии публикаций исключительно интересны. Однако...

Желание публикаторов посвятить «каждый том одной историографической проблематике исследования осажденного города и ее отражению в дневниках» само по себе представляет интерес, но сделанная при этом оговорка — «распределение дневников по сборникам *всегда* (sic!) будет в определенной мере условно» (с. 13) — позволяет предположить, что ими испытывается некоторая неуверенность в выполнимости задуманного. Кроме того, если учитывать основные темы дневниковых записей, то придется признать, что значительный ряд «историографических проблем» с неизбежностью останется вне сферы внимания авторов проекта, поскольку таковые невозможно рассмотреть на материалах дневниковых записей. После прочтения вступительной статьи, посвященной библиотеке «Прожито», статей П. Барсковой, А. Павловской и А. Павловского, посвященных феномену блокадного дневника, трудно избежать впечатления о несогласованности действий участников проекта, первым совместным воплощением усилий которых стал данный том.

Нельзя не отметить некую противоречивость в утверждениях составителей тома. С одной стороны, ими констатируется, что особенностью «современной библиотеки» дневников и воспоминаний является то, что «их не тронула рука цензора, и у читателя есть возможность познакомиться с текстом без посредников» (с. 7). Однако уже в отношении опубликованных в данном томе дневников публикаторами признается, что им приходилось иметь дело не с оригиналами текстов, а с более поздними копиями в виде машинописных текстов, подготовленных наследниками авторов, исследователями или архивистами. Поскольку публикаторы не ставили себе задачу выяснить, не подвергались ли в этом случае тексты правке (по крайней мере, о таком стремлении нигде не упомянуто), читатель вправе сомневаться в отсутствии какого-либо процесса цензуры (или самоцензуры) текстов. Не может не вызывать настороженность также и то, что создание «общедоступного собрания», как оказывается, осуществлялось и осуществляется «с более простыми принципами комплектования, чем в классических государственных архивах» (с. 8), при этом эти принципы не сформулированы и читателю остаются неизвестными. Иными словами, уместным становится предположение, что педантичной исследовательской работы по выявлению обстоятельств создания текстов дневников, как и дальнейших судеб их авторов, не предполагалось изначально. В последнем случае, когда публикаторами и даются обрывочные сведения об авторах, то, как правило, это почерпнутая из сделанных сотрудниками архивов кратких информационных справок, прилагаемых к архивному делу.

Можно только приветствовать стремление публикаторов «приблизиться к решению ключевого вопроса» истории блокады — «как выживали люди». Иначе как явный упрек в отношении предшественников, оказавшихся неспособными даже приблизиться к решению упомянутого ключевого вопроса, подобное заявление воспринимать затруднительно. Другое дело, являются ли дневники единственным источником, позволяющим поставить точку в этом

вопросе. Вместе с тем не было бы лишним объяснить читателю, какими методами будет достигаться решение другой исследовательской задачи, а именно — «представить корпус блокадных дневников как систему, содержащую статистически значимые данные о степени вовлеченности выживших и погибших авторов в неформальную экономику» (с. 12). Признавая научную значимость исследования перечисленных проблем, следует заметить, что для первого тома серии составителями избрана иная цель. Как признается во вступительной статье, основная идея тома — ответить на вопрос: «Что такое блокадный дневник?» Однако включение, например, дневников С. А. Гутшабаш (точнее, копии, сделанной автором) и А. П. Гришкевича, которые с трудом можно назвать именно дневниками, можно объяснить только отсутствием у публикаторов иных блокадных текстов, позволяющих поставить вопрос о жанровом разнообразии блокадного дневника. Если «главная формальная характеристика дневника — его подневная структура», превращающая «дневниковые материалы в своеобразную неофициальную хронику *обороны города* (sic!)», то эти два дневника данной главной характеристике явно не соответствуют, и это не замаскировать так называемой «гибридностью текста». Если дневник Б. Злотниковой был удостоен включения в корпус тома в силу того, что он дополняет историю «повседневности, а также досуговых практик и культурной жизни города» (с. 269), то разовое посещение театра едва ли можно отнести к разряду расширяющих наши представления о досуговой практике и культурной жизни жителей блокадного Ленинграда, поскольку подобного рода «расширение» более рельефно представлено в других блокадных текстах. Чтение включенных в данный том дневников не позволяет согласиться с утверждением, что в нем представлены «наиболее типичные в жанровом отношении тексты» (с. 14). Стоит заметить, что только один из вошедших в том дневников удостоился у публикаторов эпитета «дневник-свидетельство» (дневник Обуховой-Духовской). Остальные дневники признания за ними ранга «свидетельства» удостоены не были.

Рассуждения в пространной статье П. Барсковой о том, что такое блокадный дневник, и о том, что его функции принципиально отличны от дневника как такового вообще, откровенно говоря, довольно банальны. Предпринятая ею попытка при помощи набора цитат из ограниченного числа дневников раскрыть некую «лабораторию», удачной признать невозможно. Не доводилось встречать дневников, которые не соответствовали открытому ей принципу блокадного дневникового письма «с его незнанием будущего, незнанием, чем все закончится» (с. 21). Уже перечень тех задач, которые ставит перед собой П. Барскова, ограничиваясь в ряде случаев только их формулировками, впечатляет: «Моим первым вопросом является: как сделан блокадный дневник? Что структурирует его форму?» (с. 17); «...я попытаюсь здесь показать общие места исторического случая и блокадного дневникового письма»; «...я попытаюсь рассматривать отдельно различные пласты, составляющие блокадный дневник» (с. 20); «Непосредственная задача данной статьи — представить блокадный дневник как явление на примерах публикаций этого тома серии» (с. 22). (Чьи попытки «отслеживать психологическое состояние автора» (с. 27) обнаружила Барскова в дневниках (или, как она элегантно сформулировала, — во «всем массиве

блокадного дневникового письма» (с. 25)), остается загадкой.) Выделяя в качестве «композиционного фокусирующего приема один день блокады, один день города в блокаде» (с. 20), П. Барскова оставляет без внимания дневники С. А. Гутшабаш, А. П. Гришкевича и В. Томила.

Нельзя не признать формальную структуру тома удачной, логичной. Вместе с тем в отношении почти каждой сопровождаемой текст дневника своего рода справке можно сделать ряд замечаний. Только в некоторых случаях указывается, со ссылкой на архивные фонды, откуда получена биографическая информация. Биографические данные об А. Никулине сформулированы так, что либо противоречат словам автора дневника (ср.: с. 126 и 141), либо не позволяют выстроить хронологическую последовательность его служебной карьеры. Та же непоследовательность обнаруживается в данных о работе Н. Обуховой-Духовской (с. 214), если внимательно вчитываться в ее дневник, то на упомянутой фабрике «Медстандарт» она работала только до конца октября 1942 г., а позже, так как фабрика закрылась, — в типографии «Деткниги» (с. 257). Указание в отношении дневника А. П. Гришкевича, что тот «ранее публиковался со значительными изъятиями и без научного аппарата», невольно наводит на мысль, что же понимается публикаторами под научным аппаратом (едва ли его можно свести к пространной ссылке на статью П. Барсковой о рассказах Л. Пантелеева).

Склонность к поиску публикаторами нестандартных формулировок в характеристиках тех или иных дневниковых записей может порождать у читателя в ряде случаев по меньшей мере недоумение (например, выявленные А. Павловским в дневнике Бардовского «именно средневековые рамки неформального общения» (с. 42) или «Невыносимая обращенность в семейную эмоциональную сферу» (с. 44)).

Отказ публикаторов от научного комментирования текстов блокадных дневников под предлогом того, что практически всю информацию можно получить в Интернете, не может не удивлять и сам по себе, а также в силу того, что все те исключительно скудные комментарии, которые можно найти в тексте (если исключить несколько упоминаний на свои собственные сочинения, в некоторых случаях не вполне уместные), именно из Интернета и взяты. При этом, явно с расчетом на забывчивость читателя, краткая справка, что такое «дуранда», приводится четырежды (с. 100, 135, 242, 302). Напротив, в тех случаях, когда некий комментарий явно напрашивается, читателю в неявной форме предлагается заняться самому поисками информации (например, что такое Коскомд (с. 88); как расшифровывается аббревиатура ГЭС, ведь довольно часто считают, что речь идет о гидроэлектростанциях, тогда как это «государственная электростанция»). Упоминания в дневниках о невозможности получения заработной платы в силу отсутствия денежных знаков в банке, о выплате пенсий, — а это та информация, о которой сложно найти сколько-нибудь полезную информацию в Интернете, заслуживали хотя бы небольшого комментария. Не менее уместным было бы прокомментировать упоминания в дневнике А. П. Гришкевича о случаях диверсий (поджогах (с. 298)). Правда, сделанную составителями оговорку при перечислении целей, которые преследует

проект «Прожито», — «дневник должен получить комментарий исследователей» (с. 435), — переносящую эту обязанность на неких исследователей в будущем, в определенной степени можно рассматривать как снятие с самих себя реализации данной цели, что и побуждает воздерживаться от расширения перечня претензий к публикаторам.

В некоторых местах составители тома дублируют информацию, приводимую в справке о дневнике и в тексте примечаний к дневнику, в других случаях приводимая информация не может не вызвать недоумения. Так, в примечаниях к дневнику А. Никулина со ссылкой на опубликованный ниже дневник Н. Обуховой-Духовской указывается, что в здании «Астории» находился госпиталь № 926 (с. 173), но в примечаниях к тексту Обуховой-Духовской указывается, что в «Астории» находился стационар № 108 (с. 226). Не может не вызывать удивление и тот факт, что публикаторы, проявляющие искренний интерес к истории блокады и обороны Ленинграда, либо допускают неточности при приведении общеизвестных фактов (см., например, хронологию событий в конце тома), либо отказываются комментировать ошибки, которые допускают авторы дневников (так, согласно дневнику Бардовского, Ленинградский фронт был создан 24 августа, тогда как решение об этом было принято накануне).

Насколько уместным является потрясающе категоричное противопоставление составителями «нового режима правды памяти», который предоставляет пользователям проект «Прожито», «правде истории с ее претензией на объективность и связность повествования» (с. 436)? Если проект «Прожито» изначально воздвигается на столь внеисторичном подходе к изучению блокады Ленинграда, не получим ли мы новую мифологизированную картину былого, неявно отредактированную его авторами?

¹ «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А. Ю. Павловская, науч. ред. Н. А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с.: ил. ISBN 978-5-94380-335-2

Статья поступила в редакцию 1 августа 2022 г.
Рекомендована к печати 20 октября 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рупасов А. И. «Новый режим правды памяти» [Рец. на кн.: «Я знаю, что так писать нельзя»: феномен блокадного дневника / сост. А. Ю. Павловская, науч. ред. Н. А. Ломагин. СПб., 2022] // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 1. С. 232–237.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.114>

Аннотация: В рецензии анализируется подготовленное учеными Европейского университета в Санкт-Петербурге издание комплекса дневников жителей блокадного Ленинграда. Признавая высокую значимость для исследователей данной публикации исторических источников, необходимо обратить внимание на тот факт, что цели, которые составители рецензируемого тома ставили перед собой, были достигнуты только частично. Излишне категоричное противопоставление составителями тома «нового режима правды памяти» «правде истории с ее претензией на объективность и связность повествования», фактический отказ от научного исследования публикуемого источника и некритичное принятие его в качестве исчерпывающей истины с неизбежностью способны привести читателя к ложной

мысли о завершенности изучения блокады Ленинграда. Можно предположить, что составители тома не ставили перед собой задачу по выявлению обстоятельств появления дневниковых текстов. Остается неясным, почему участники проекта «Прожито» уклонились от упоминания «более простых принципов» включения тех или иных дневников в создаваемую ими коллекцию. Хотя один из авторов попытался выявить некую «лабораторию» создания блокадного дневника, эту попытку нельзя признать удачной. Составители тома переложили на читателей обязанность комментирования текстов дневников. Фактически они сложили с себя функции исследователей. Повторы в немногочисленных комментариях, противоречия в сопроводительных справках к текстам дневников и в статьях авторов свидетельствуют о том, что составители работали в спешке. Нет сомнений в искреннем интересе составителей книги к истории блокады, но в этом случае трудно найти объяснение неточностям в отношении общеизвестных фактов. Вместе с тем следует признать, что с формальной точки зрения структура данной книги логична.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, очевидец, дневник, источник, публикация, Великая Отечественная война.

Сведения об авторе: Рупасов А. И. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); rupasov_ai@mail.ru

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

FOR CITATION

Rupasov A. I. “New Memory Truth Mode” [Rev. on: “I know you can’t write like this”: The Phenomenon of the Blockade Diary, comp. A. Yu. Pavlovskaya, ed. N. A. Lomagin. St Petersburg, 2022], *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 1, 2023, pp. 232–237.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.114> (In Russian)

Abstract: The review analyses a set of diaries of residents of the besieged Leningrad prepared by scholars of the European University in St Petersburg. Despite a considerable significance of historical sources to the researchers, the objectives that the authors of the reviewed volume set out to achieve were only partially fulfilled. The compilers of the volume too sharply contrasted a “new regime of the truth of memory” and the “truth of history with its claim to objectivity and coherence of narrative”, actually refusing to examine the published sources and accepting them uncritically as the exhaustive truth, which inevitably leads the reader into the false perception of the completion of the study of the Leningrad siege. It can be assumed that the authors of the volume did not set themselves a task of identifying the circumstances behind the texts of the diaries. It remains unclear why the participants of the project avoided mentioning “simpler principles” of the inclusion of certain diaries in the collection. Although one of the authors attempted to identify a kind of “laboratory” for the creation of the diary, this attempt cannot be recognized as successful. The compilers of the volume delegated the responsibility of commenting on the texts of the diaries to readers. In fact, they relinquished their roles as researchers. Repetitions in the few commentaries, inconsistencies in the accompanying notes to the diaries and in the authors’ articles indicate that the authors of the volume acted in haste. There is no doubt of the authors’ genuine interest in the history of the siege, but in this case it is difficult to find an explanation for inaccuracies in relation to well-known facts.

Keywords: blockade, Leningrad, publication, diary, eyewitness, Great Patriotic War.

Author: Rupasov A. I. — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia); rupasov_ai@mail.ru

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St Petersburg, 197110, Russia

References:

“I know you can’t write like this”: The Phenomenon of the Blockade Diary, comp. A. Yu. Pavlovskaya, ed. N. A. Lomagin (St Petersburg, 2022). (In Russian)

Received: August 1, 2022
Accepted: October 20, 2022